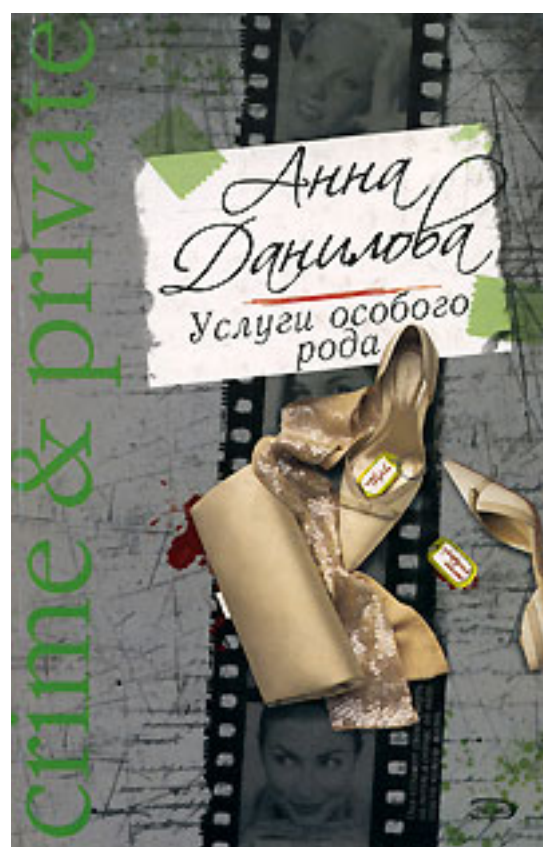

Анна Данилова

Услуги особого рода

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=183835
Плюшевый свидетель. Услуги особого рода: Эксмо; М.: 2004
ISBN 5-699-07714-6*

Аннотация

Анне было стыдно, что еще несколько минут назад она хотела себе смерти, когда мчалась по обледенелой трассе на своем автомобиле. Подумаешь, ее бросил любовник. Мужчины часто бросают женщин. Сегодня ее очередь. А вот там, в овраге, настоящая трагедия. Анна спустилась к разбитой машине и заглянула внутрь. Вот то, что она и боялась увидеть: залитое кровью лицо. Мужчина был мертв. И тут она услышала стон...

Когда Анне удалось выволить из этого металлического гроба хрупкое тело девушки с тонким ангельским личиком, она не поверила своим глазам. На руках девушки болтались оранжевые бирки. На правой Анна прочла: «Имя – Стерва», на левой была другая надпись «Профессия – Сволочь»...

Содержание

* * *	5
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Анна Данилова Услуги особого рода

Дорогой читатель Митес!

Желаю счастья, мира и
здоровья! А мне — любви —
то самое лучшее в жизни!

Учитайте, познавайте и
используйте удовольствие от
жизни! И творите сами!

Анне Даниловой (федос)

* * *

– Вы знаете этих людей? Вернее, вы *знали* этих людей? Этого мужчину, женщину?.. Не молчите, отвечайте... Дайте ей воды, она сейчас упадет.

Женщина в черной юбке и сером свитере стояла посреди большой разгромленной квартиры и смотрела себе под ноги, где на светлом паркете расплылись две большие лужи крови. На полу лежали мужчина и женщина. Оба мертвы. Оба с простреленными головами. Головы соприкасались друг с другом. Помада на губах мертвой женщины нетронутая, свежая, красная, как и кровь на полу, которая вытекла из ее головы, блестит в свете лампы. *Наверное, у нее все внутри красное. Вся ее изнанка.* У мужчины тщательно выбритые щеки, побледневшие губы. Еще совсем недавно они оба были живы. Говорили о чем-то. Но так и не договорились. В комнате пахнет порохом. И табаком. Это накурили те, кто пришел после звонка соседей, услышавших выстрелы.

«Вы не могли ее не знать... Не могли...» – стучало в голове и не давало сосредоточиться на самом факте смерти.

«Да, я знала ее... Знала, чувствовала, она всегда была рядом, как тень, и, где бы мы ни находились, мы везде ощущали ее запах, запах свежееотпечатанной банкноты... Она была его второй жизнью, и она же погубила его... И еще много сотен... Имя ей – Стерва, профессия – Сволочь...»

Глава 1

Анна-Успенка

Шел мокрый снег. Ветер пробирал до костей. Анна Винклер вот уже несколько минут смотрела из окна своего «Фольксвагена» на перевернутую вверх черным брюхом большую легковую машину (*кажется, «БМВ»*), упавшую на дно оврага. Не было дыма, не было огня. Только шел снег, завывал ветер, который словно проникал в самое сердце и выстуживал последнюю надежду добраться до ближайшего населенного пункта живой. Мороз в апреле. Какая дикость. Редкие машины проползали мимо (Анна усмехнулась про себя: *не оглядываться*). Их, таких тяжелых, сдувало с заледеневшей трассы, как если бы они ничего не весили. Это была дорога М-6, соединявшая столицу с волжскими городами, с Ростовом.

Анна вышла из «Фольксвагена» и, глядя на уже успевшую побелеть на глазах перевернутую машину, покачала головой. Трагедия, разыгравшаяся здесь, на этой опустевшей трассе, была настоящей бедой, настоящим горем по сравнению с тем, что она успела себе выдумать, пока мчалась сюда, спасаясь от своей печали. Подумаешь, ее бросили. Мужчины часто бросают женщин. Сегодня ее очередь. И чего она добилась бы своей смертью?

Ей было стыдно признаться даже себе, что она остановила «Фольксваген» вовсе не из-за того, что увидела разбитую машину, просто ей показалось, что ее душевные силы на исходе. Это был своего рода прозрачный (если не считать плотной пелены снега) тупик, в который она уткнулась, словно в плечо друга. Но это был всего лишь мираж. Никаких друзей на трассе быть не могло. Как не было их и в Москве, где она жила, любила и где сегодня ее смертельно ранили, обидели, променяв на другую женщину.

Анна, обжигая руки о снег и цепляясь за острые, выступающие из-под снега ветки кустов, спустилась вниз и заглянула внутрь машины. Вот то, что она и боялась увидеть: залитое кровью лицо, открытый потускневший глаз... Мужчина был мертв. И тут ей показалось, что она слышит стон.

– Эй, есть кто живой?

И снова стон. Открыть дверь было невозможно. Анна вернулась наверх, достала из багажника оставшуюся еще с зимы саперную лопатку и принялась колотить ею по твердому стеклу перевернутой машины. Послышался хруст, и стекло рассыпалось. Куски стекла были похожи на льдинки. И тогда она увидела женщину. Рыжие волосы, синеватые губы и белый, словно присыпанный пудрой, маленький аккуратный нос.

Анна просунула руку внутрь салона и коснулась руки женщины. Она застонала.

– Господи, да ты живая... Ну-ка, приходи в себя... Твой дружок умер, но ты-то должна жить. Меня бог к тебе послал. Ну же, приходи в себя. Ты будешь жить, слышишь? Меня зовут Анна. Очнись...

Она понимала, что ее никто не слышит, но продолжала разговаривать с женщиной, рука которой показалась ей теплой на ощупь. Уцепившись за обе ее руки, Анна попыталась хотя бы немного придвинуть тело женщины ближе к окну, чтобы потом, постепенно, сантиметр за сантиметром, вытащить ее из машины. На это ушло почти полчаса. Стыд жаркой волной погнал кровь по жилам: *кого я спасаю, ее или себя?*

Когда наконец эта маленькая хрупкая женщина была вызволена из своего металлического гроба, Анна, обнаружив в себе неожиданный прилив сил, взвалила ношу на себя и потащила наверх, к своей машине. Ей не верилось, что она оказалась способной на такой поступок и что нашла в себе силы вообще выйти из машины.

Женщина была жива. Она дышала, но тело ее было совсем холодным. И понадобилось бы очень много горячей воды и водки, чтобы согреть ее.

Анна усадила ее на заднее сиденье и укрыла пледом. Желтый плед, который был предназначен совсем для другого, теперь оказался очень кстати. Желтый плед – это их любовное ложе, бывшее ложе... Пусть теперь он послужит более благородным целям. И тут Анна заметила на правой руке женщины веревку. Серую, измочаленную веревку с клочком оранжевой клеенки на ней. Фиолетовыми чернилами (буквы слегка расплылись) она прочла: «Имя – Стерва». И на другой руке – точно такая же бирка, но уже с другой надписью: «Профессия – Сволочь».

Анна не верила своим глазам. Перед ней лежало бесчувственное хрупкое нежное тело с тонким ангельским личиком. Душа этой несчастной металась сейчас между жизнью и смертью. Кому же она причинила столько боли, что ее так пометили? Мужчина? Женщина? Кто нацарапал бесстыжей рукой на оранжевых клеенчатых клочках эти омерзительные определения? Бирки она отвязала и спрятала в карман. Затем достала блокнот, ручку и, вернувшись вниз, в овраг, счистила снег с металлической панели, где были выбиты номера машины. Московские номера. Можно было, конечно, покопаться в вещах погибшего мужчины, чтобы выяснить хотя бы его имя, но она испугалась, что ее могут застать за этим неприглядным занятием, смахивающим со стороны на мародерство, вездесущие работники автоинспекции. Это сейчас их нет. А вот стоит ей пролезть в машину за документами или прикоснуться к труп, чтобы пошарить в его карманах, они тут как тут. Она не верила в счастливый случай. А потому, вернувшись в машину, достала карту, чтобы определить, в какой точке М-6 она находится и далеко ли до ближайшей больницы. Она была в пути уже почти десять часов. Получалось, что позади нее крупный населенный пункт – город Балашов, а впереди – часа через два или, если двигаться со скоростью сорок-пятьдесят километров, то и все четыре – Саратов. Но у нее никого не было в этом незнакомом ей городе. Ее конечной целью было забвение. Она гнала машину на огромной скорости, предаваясь шальному движению, переживая острейшие ощущения и играя со смертью. И вдруг теперь эта остановка. Этот тупик. Эта женщина с рыжими волосами. Вернее, девушка. Совсем молодая. Это ли не знак, что ей суждено так же, как и этой несчастной, остаться в живых?!

Анна завела машину и тронулась с места. Покатила. Медленно, то и дело соскальзывая с трассы на обочину. Гололед. Это не цунами, не тайфун, не шторм, не ураган. Это молчаливая мерцающая гладь, смертельная гладь.

Проехав несколько километров, Анна увидела указатель, при виде которого у нее сжалось сердце. Она не поверила своим глазам. Все, что она теперь видела или слышала, казалось ей какими-то неотвратимыми знаками, от которых никуда не скроешься. Нужно только слепо следовать этим указателям и ждать, чем же все это закончится. Синяя, окаймленная белым, стрелка: «Анна-Успенка». Вот это название! И «Анна» – тезка. И «Успенка» – это уж слишком... Вроде там, в этой Анне-Успенке, она, Анна Винклер, и найдет свою смерть. Уснет. Усопнет. И подтвердит таким образом название деревни. И все же она резко затормозила перед тем, как свернуть. Напрасно. Машину занесло прямо в сугроб. *Сугроб – это еще не гроб. Игра слов.*

Затем дала назад, с трудом вырулила на дорогу и поехала в сторону деревни. Снег продолжал идти, залепляя окна. С ним уже с трудом справлялись «дворники». *Господи, под- скажи мне, что делать с этой женщиной? Куда же я ее везу? Это же крохотная деревня, где, вполне вероятно, нет даже врача.*

Проехав мимо нескольких домиков, занесенных снегом, Анна остановила машину, вышла из нее и с трудом добралась, шагая по пояс в снегу, до калитки одного из подследоватых строений. Принялась колотить тяжелым, висевшим прямо над металлической скобой крюком, стараясь привлечь к себе внимание хозяев. Она не знала, сколько колотила. Но очнулась, когда увидела прямо перед собой сердитое розовое лицо женщины. В красной косынке, из-под которой выбивались темные волосы.

– Извините, что я так громко стучу. Но мне требуется помощь. В машине находится женщина. Она ранена. Там, – Анна махнула рукой в сторону оставшейся позади трассы, – случилась авария. Мужчина погиб, а вот женщина жива. Можно к вам?

– Можно, – вдруг неожиданно спокойно ответила женщина. – Я вам помогу. Вот только надо бы откопать калитку.

Она довольно скоро выбралась из-за калитки и, наступая в глубокие следы, оставшиеся от Анны, последовала за ней к машине. Вместе они вынесли раненую и внесли ее, не без труда, в дом. Уложили на кровать в маленькой комнате с единственным оконцем.

– Ее как будто били, – произнесла женщина в красной косынке, хозяйка дома. – Видите, какие синяки?

– Так ведь авария же...

– Нет, милая, ее *до аварии били*. Уж поверь мне... Тебя как звать-то?

– Анной.

– А меня – Еленой. Надо бы доктора вызвать. Он через дом от нас. Сергеем Владимировичем зовут. Он придет, не откажет. А я тут согрею ее. Грелками обложу. У меня их аж три. Одна, правда, худая.

– Хорошо, я схожу.

И Анна пошла за доктором. Уже в сенях она почувствовала, что замерзла. Сильно. В машине было тепло, даже жарко, и ей было хорошо в тонком свитере. А здесь, на морозе, в холодных сенях ее забила дрожь. *Как бы не схватить воспаление легких*. И тут же себя обругала, посмеялась над собой: *недавно еще хотела расстаться с жизнью, а теперь испугалась воспаления легких*.

Деревенский доктор оказался обыкновенным пенсионером. Стариком. В теплом вязаном жилете. От него, от доктора, пахло почему-то керосином. Услышав, о чем идет речь, Сергей Владимирович с готовностью накинул на себя тулуп и вышел вслед за Анной.

– Ну и погода. Немудрено, что авария случилась. И как же это вы ее увидели? Остановились на трассе почему? Услышали что? Увидели? – завалил он ее вопросами.

– Нет. Случайно, – уклонилась от ответа Анна.

– Нет, – Сергей Владимирович вдруг поднял указательный палец и сощурил свои по-стариковски слезящиеся голубые, словно выпцветшие, глаза, – это не случайно. Это – судьба. Уж поверьте мне, старику.

Он бодрым шагом направился к своей калитке. Анна едва поспевала за ним.

– Деревенский доктор, он, знаете ли, должен быть готов ко всему. Вот в моем саквояже, к примеру, имеются даже инструменты для удаления зубов, представляете?!

Она только что заметила в его руках старый рыжий и сильно потертый саквояж с тускло поблескивающим замком под ручкой. Оказывается, он на самом деле был всегда готов к вызову и прихватил, незаметно для нее, саквояж чуть ли не в сенях.

Девушка еще не пришла в себя. Вот теперь, когда ее лицо было подставлено прямому свету, буднично и как-то голубовато льющемся из окна в маленькой комнате, Анна тоже разглядела синевато-желтый полукруг под левым глазом, ссадину возле уха, а чуть пониже шеи еще один синяк, большой, фиолетовый.

– Так... Снимите с нее верх, – скомандовал доктор, издали разглядывая пациентку.

Анна сняла с девушки черный свитер, огромный, явно не по размеру, серый, с красно-белыми оленями толстый джемпер и белую, с рисунком, трикотажную майку с короткими рукавами. Тоже большую, размера на три-четыре больше. На майке в двух местах на уровне сосков подсохли странные желтоватые пятна.

Сергей Владимирович подошел к кровати и присел на предложенный ему стул. Внимательно, не прикасаясь к девушке, осмотрел ее. Причмокнул губами.

– А теперь снимите нижний этаж.

Под «нижним этажом» подразумевались синие джинсы. В них могло бы при желании поместиться три такие девушки.

– Это не ее одежда, – невольно вырвалось у Анны, и она, словно испугавшись чего-то, прикрыла рот рукой.

– Тсс... – прошептал доктор. – Я и сам вижу. Ведь на ней, на голубушке, нет даже белья. Никакого, видите?

Он провел рукой по бледному животу девушки, по гладко выбритому лобку.

– Выйдите, – вдруг решительно скомандовал он и почти вскочил со своего места. И, не обращая внимания уже ни на кого, поднял с пола саквояж, открыл его и достал оттуда хрустящий пакет с новыми резиновыми перчатками. Надел их. Женщины стояли, не шелохнувшись.

– Снасильничали? – ахнула, очнувшись первая, Елена.

– Не знаю. Говорю же, выйдите.

– Никуда мы не выйдем. Мы что, баб, что ли, не видали? – вдруг возмутилась Елена, нахмутив брови.

Анна стояла молча. Она не собиралась выходить из комнаты. Лежащая перед ней девушка неожиданно стала для нее близким и родным человеком. И она не желала оставлять ее даже наедине с доктором.

И тогда Сергей Владимирович начал осматривать женщину. Встав чуть ли не на колени, он раздвинул ей ноги и осторожно принялся вводить пальцы левой руки во влагалище. Правая же мягко надавливала на низ живота.

Когда он извлек руку из женщины, перчатки были розовые от крови.

– Это – роженица, – сказал он с какой-то грустью в голосе. – Посмотрите на ее груди, они же полны молока. Она родила совсем недавно. – Он повернулся к Анне: – В машине не было ребенка?

– Да вы что... Конечно, нет! Я же говорю, там был только труп мужчины. Я бы увидела ребенка. Нет, не было.

– Значит, украли, – пожал плечами доктор. – Или убили.

– Старый дурак, что ты такое несешь? – возмутилась снова Елена, которой не понравилось, что он, по ее мнению, беспричинно обвинил и без того несчастную девушку в убийстве новорожденного.

– Я только предположил, не кипятись, Елена. Еще могу сказать, что ее били. Но до аварии. Уж не знаю, какая там вообще была авария, – произнес он с недоверием в голосе, продолжая смотреть на Анну, – но эта молодая женщина пострадала *до аварии*, понимаете?

– Ну! Вот и я говорю, что ее били. Может, муж...

– Елена, если тебя твой муж бил, это еще не значит, что и ее тоже избил муж. Мы о ней вообще ничего не знаем.

– Но почему она без сознания? – спросила Анна.

– На этот вопрос я ответить затрудняюсь. Может, она потеряла сознание от кровопотери. Ведь кровь продолжает идти. Кроме того, у нее сейчас начнется жар. Я чувствую. Она перенесла шок, ее били, а потом еще и авария... К тому же она замерзла...

Доктор. Анна усмехнулась про себя. Она не знала, что делать. Надо было срочно возвращаться в Москву. Там у нее полно знакомых врачей, настоящих профессионалов, которые помогут этой несчастной. Но здесь, в этой тихой деревушке, она погибнет. Уснет. И тогда деревню можно будет переименовать Машей-Успенкой или Катей-Успенкой. В зависимости от того, как на самом деле зовут девушку.

– Я даже не знаю ее имени... что делать?

– Ждать, пока она не очнется. А пока укройте ее, обложите, правильно, грелками...

Но Елена, не дожидаясь его дальнейших распоряжений, уже сбегала на кухню и вернулась оттуда с грелкой, в которую налила кипятку. Положила девушке в ноги.

– От грелок кровотечение усилится, но если без грелок, то она замерзнет. Не знаю, что и делать.

– Я знаю, – сказала твердым тоном Анна. – Помогите мне отнести ее в машину. Я повезу ее в Москву. Какая разница, где она будет согреваться, здесь у вас или в машине. У меня там тоже тепло. Через сто километров начнется чистая и сухая трасса. Это тут у вас снег, а там – нормально... Я быстро доеду. Через несколько часов. У вас есть термос?

– Нет... – растерянно пробормотала Елена. – Никогда никаких термосов сроду не было.

– Жалко. Тогда просто приготовьте чаю. Сладкого, крепкого, налейте в бутылку и оберните в несколько слоев газеты. Еще дайте чистую простынку, а одну порвите на бинты. Раз я ее нашла, то буду до конца нести за нее ответственность. В Москве ее спасут, а здесь она погибнет. Вы не обижайтесь. Но я говорю правду. Мне бы еще и одеяла...

Анна достала из кармана брюк мятую стодолларовую купюру и протянула Елене.

– Дайте мне одеяла, подушку, еще простыней... на эти деньги вы купите все новое, тут хватит...

Но Елена смотрела на деньги ошалелым взглядом. Она, наверно, никогда в жизни не видела таких денег.

– Лена, это доллары. Здесь сто долларов. Больше трех тысяч рублей. Я спешу... Делайте, что я вам говорю, иначе мы с вами будем виноваты в ее смерти. Надо действовать!

И Елена, осторожно взяв непонятную бумажку, тут же спрятала ее на груди и бросилась на кухню.

– Я всего лишь врач, сельский врач, – бубнил себе под нос Сергей Владимирович, заботливо подворачивая одеяло. – Роды принять могу, зуб вырвать могу, нарыв вскрыть, даже гланды вырвать... Но она кончится скоро, я бы все равно ей ничем не помог. У меня ни капельницы, ни оборудования...

Вдруг он замолчал. Девушка застонала и открыла глаза. Анна бросилась к ней.

– Имя... Как тебя зовут? Ты кто? Ну же?

Девушка разлепила губы и поморщилась, видимо от боли.

– Где я? – спросила она, глядя куда-то в пространство.

– Как тебя зовут?

– Мне холодно, мне очень холодно...

Глава 2

Анна

Всю дорогу до Москвы девушка спала под одеялами на заднем сиденье. Имени своего она так и не сказала, а только твердила, что ей очень холодно. Анна, смертельно уставшая и чувствующая себя немногим лучше, чем ее подопечная, воспринимала трассу уже как нечто нескончаемое, серое и холодное, напоминающее плоскую лоснящуюся змею. А встречные машины вызвали все нарастающее раздражение. Они так и норовили вцепиться своими глазастыми и нахальными мордами в бампер ее машины. Когда же наконец машина почувствовала под собой гладкую и ровную поверхность подмосковной дороги, Анна не выдержала, остановила машину возле придорожного кафе и купила бутылку армянского коньяку. Отвинтив крышку, она, уже в машине, отхлебнула один большой глоток, после чего спрятала бутылку, зажевала мятной конфетой и помчалась навстречу Москве. По дороге, как только это стало возможным, она принялась обзванивать с помощью мобильного телефона всех своих знакомых, которые могли бы прямо сейчас бросить все свои дела и приехать к ней домой. Она и мысли не допускала, чтобы везти девушку в больницу. Вероятно, она преступница или что-нибудь в этом роде. Но она все равно должна ее спасти. И не только от смерти, но и от возможных преследователей. Ведь, окажись она сейчас в больнице, неизвестно, чем это все закончится. Если она роженица, то наверняка ей придется держать ответ, куда она дела ребенка. Кроме того, ей надо будет объяснить, с кем и куда она мчалась по заледеневшей трассе. Друг или враг был за рулем? Кто ей дал мужскую одежду и где она оставила свою? То, что она выживет, Анна не сомневалась. Девушка уже ровно дышала. Крепко спала.

Врачи. Она знала многих врачей. У нее были врачи-друзья, и она всегда могла рассчитывать на их помощь. Но ненавидела участковых врачей-вымогателей, предлагающих своим пациентам продукцию сомнительных иностранных лекарственных фирм. Как правило, такие врачи являлись дистрибьюторами этих самых фирм и были заинтересованными лицами в этом бизнесе. Этим же бизнесом занимались и ее друзья, но вот к ним отношение почему-то из-за этого не менялось в худшую сторону. *Вот она, предвзятость...*

Ее долгие разговоры по телефону закончились более или менее благополучно: ей удалось связаться с Андреем, практикующим терапевтом одной из крупных клиник Москвы. Профессионал с авантюрной жилкой, он любил повторять, что работа врача во все времена хорошо оплачивалась и что лечение больного находится в прямой зависимости от величины его кошелька. Поэтому даже друзья оплачивали его консультации, не говоря уже о диагностике.

Вкратце Анна объяснила ему, что с ней произошло в дороге, и приблизительно описала состояние больной, которой срочно требуется врачебная помощь. Услышав, что она везет роженицу, Андрей сказал, что постарается как следует подготовиться. Он даже прихватит с собой хирургические инструменты. Затем спросил, не будет ли она возражать, если в случае необходимости он привлечет к работе своих коллег. Анна не возражала, понимая, что Андрей никогда не позволит себе пригласить к ней в дом непроверенных людей. Вот теперь ей и дышать стало легче.

Ворвавшись в Москву, она и вовсе повеселела. И лишь когда машина остановилась возле ее дома и она увидела привычный и родной пейзаж (с которым утром уже успела мысленно проститься) – песочница, деревья в почках, свежевскопанная клумба, – вот тогда только она поняла, как устала. Почти двенадцать часов за рулем. Без еды. Только минеральная вода да глоток коньяку. Что это? Где она черпала силы?

Однако ей предстояло еще поднять к себе наверх крепко спящую девушку. Она подогнала машину прямо к крыльцу и, выбрав удачный момент, чтобы ее никто не видел, открыла дверцы, подхватила под мышки спящую, затем взвалила на плечо и, покачиваясь, вошла в подъезд. Несколько ступенек, лифт, и вот она уже у двери.

– Аня, я здесь...

Она вздрогнула. Это был Андрей. Он ждал ее на лестничной площадке.

– Как хорошо... Как вовремя. Подержи ее, мне надо открыть двери.

В квартире было тепло. Девушку отнесли и уложили в спальне.

– Назову ее Машей, чтобы удобно было общаться, – сказала она Андрею, вспоминая, с какой осторожностью осматривал девушку деревенский доктор. – Там, в деревне, врач утверждал, что она родила недавно.

Андрей, холеный, с чисто промытыми и приятно пахнущими волосами, молодой мужчина в твидовом пиджаке и новых темно-синих джинсах, присвистнул, как если бы он услышал это впервые. А ведь она говорила об этом ему, находясь еще в машине, на трассе.

– Мне выйти? – Она предложила это сама, первая, чтобы в случае, если это потребуется, инициатива шла от нее. Все-таки менее унижительно. И еще она подумала о том, что когда в подобных случаях врач просит оставить его одного, то еще неизвестно, зачем ему это надо. Вероятно, ему хочется в этот ответственный момент побыть одному, чтобы сосредоточиться на исследуемом больном. Но ведь случается и такое, что ему доставляет удовольствие осматривать доставшуюся ему по случаю женщину: раздетую, беззащитную и в данный момент принадлежащую только ему. Наверняка ему не хочется, чтобы кто-то посторонний увидел в это время выражение его лица, заметил какую-нибудь особенность во взгляде. Ведь деревенский эскулап испытывал явно что-то вроде замешательства, когда осматривал женщину. Почему? Ему, старику, явно скучавшему в своей глухой Анне-Успенке, не так часто выпадает подобная возможность. Скорее всего в эту деревню раз в неделю приезжает настоящий доктор, не пенсионер, и это только в исключительных и очень редких случаях жители обращаются к Сергею Владимировичу за помощью. *Но, может, я и ошибаюсь.*

– Нет, оставайся, – прервал ее размышления по поводу мужского начала у всех врачей-мужчин Андрей, отвечая на вопрос и ловкими движениями открывая свой довольно таки объемистый чемоданчик. – Только руки вымою.

Анна проводила его до двери ванной комнаты, показала, каким полотенцем пользоваться, а сама вернулась в спальню. Нет, конечно, она никому не расскажет о тех оранжевых бирках, которые были привязаны к запястьям Маши. Тем более мужчине. Ему ни к чему знать об этом. Его должно интересовать исключительно ее здоровье.

Позже она наблюдала, как Андрей брал кровь на анализ: и из пальца, и из вены. Осмотр Маши занял довольно много времени. Андрей подтвердил, что роды произошли пару дней тому назад и что грелками она только усилила кровотечение. Затем высказал предположение, что Маша крепко спит, потому что давление у нее нормальное, дыхание ровное и жара, как это ни странно, уже нет. Вероятно, она пережила кризис раньше.

– Ты записала номер машины?

– Да, – коротко ответила Анна, не желая распространяться на эту тему. – Ты сейчас отвезешь кровь на анализ?

– Да, обязательно. Я осмотрел ее, но следов уколов, скажем, наркотиков, не нашел. Только старые проколы, свидетельствующие о том, что ее роды были стимулированы специальными препаратами. Но это внутримышечные инъекции. А небольшая гематома на левой руке в области локтевого сгиба говорит лишь о том, что два дня назад, во время родов или до родов, у нее брали кровь. Возможно, тоже на анализ.

– Ты хочешь сказать, что она рожала в больнице?

– Скорее всего да. Она выбрита, на коже до сих пор сохранились следы от йода. Кроме того, я нашел два небольших внутренних шва. Таким образом зашивают разрывы...

– Может, ребенок умер? – вырвалось у Анны, и она горько пожалела о сказанном.

– Не знаю. Может, потом она тебе сама все расскажет. А сейчас не отходи от нее ни на минуту. Я скоро вернусь. Возможно, не один. Мне понадобится аппаратура для диагностики, капельницы и многое другое.

– А синяки... ссадины?

– Ее не могли бить в роддоме, согласись. Это исключено. Стало быть, ее кто-то жестоко избил сразу после родов. Если бы я был мужем этой женщины, я бы превратил этого подонка в фарш, уж поверь мне. Но я всего лишь доктор, которого пригласили для оказания помощи. И это не мое дело, ведь так? – Он проговорил это бесстрастным голосом, и Анна вдруг поняла, что совершенно не знает этого человека. Ее познакомили с ним не так давно и представили как талантливого многообещающего терапевта. И это все. А он, оказывается, тоже человек, со своими эмоциями и представлениями о добре и зле. И, судя по тону, которым все это было сказано, Маша понравилась ему. Очень. Но она и не могла не понравиться. Даже безмолвная, даже неподвижная и находящаяся сейчас где-то очень далеко...

«Если бы я был мужем этой женщины, я бы превратил этого подонка в фарш, уж поверь мне». Как будто ее не мог избить собственный муж. Сколько таких случаев. А вдруг она родила ребенка от другого мужчины? От негра, например? Муж увидел, озверел, набросился на жену и избил ее...

Андрей уехал, Анна закрыла за ним двери и вернулась к Маше. Ей стало намного легче, когда ее подопечную осмотрел врач. Настоящий врач. Но ведь, кроме медицинской помощи, ей теперь требовалась и другая помощь. Милиция? Нет, только не милиция. Частный детектив? Но где взять хорошего детектива, которому можно было бы довериться?

Глядя на слегка порозовевшее лицо Маши, Анна поймала себя на том, что ее мысли о безопасности девушки преждевременны. Какой частный детектив? Самое главное сейчас – это поднять ее на ноги.

И тут взгляд Анны упал на букет увядших роз – символ увядших чувств к ней, к Анне, и она вновь испытала боль. Как утром, сегодняшним утром, когда поняла, что осталась совсем одна. Ведь именно эта боль и понесла ее куда глаза глядят...

Ее любовника звали Михаилом. Ему было сорок шесть лет, он был на пять лет старше Анны. Несмотря на то что он был холост, Михаил никогда не приглашал Анну к себе домой. Они встречались здесь, у нее в квартире, Михаил обычно оставался на ночь, а утром ехал к себе в офис; он работал юристом в конторе, занимавшейся установкой телефонов в Подмоскowie. Анна в ожидании его готовила ужин, он привозил вино, цветы, шоколад. Их роман длился два года, ровно столько, сколько прошло с тех пор, как Анна ушла от мужа. И вот теперь она осталась одна. Миша позвонил ей и сказал, что женится. Извинился так, как если бы позвонил лишь для того, чтобы предупредить, что к ужину его не будет и чтобы она садилась за стол без него, таким вот будничным тоном. Возможно, именно его тон ее и задел. Она понимала, что так не поступают. Для того чтобы сообщить женщине, что от нее уходят, следует все же прийти лично, а не звонить, как бы неприятен ни был предстоящий разговор. Но Миша оказался трусливее, чем она предполагала. Он даже не снизошел до разговора. Просто позвонил и сказал, что женится. Вероятно, для него это было естественным этапом его мужской жизни. Ведь каждый мужчина когда-нибудь да женится. Тем более что до этого Миша ни разу не был женат. Он как-то выразил желание иметь семью, детей и собаку, но Анна восприняла это как нечто несерьезное и даже нереальное: Михаила было довольно сложно представить себе как рядом с детьми, так и рядом с собакой, не говоря уже о жене. И о детях, и о собаке, и о жене надо заботиться, а Миша *пока что* (как надеялась Анна) заботился только о себе. Он и в постели был эгоистом. Но Анна прощала его и, проводив

утром на работу, ждала следующей встречи. Конечно, это была не любовь. Вернее, любовь, но не настоящая. Потому что Миша не умел любить. Да и Анне в ее сорок лет казалось, что она уже не в состоянии полюбить кого-нибудь до самоотречения. Ей нравилось, когда к ней приходил мужчина, когда он целовал ее, когда брал на широкой кровати, когда говорил ей комплименты и дарил цветы. Но радовалась примерно так же и когда он уходил, пусть и ненадолго, потому что тогда она оставалась одна, и у нее появлялась возможность заняться собой, домом, походить по магазинам, сделать покупки, совершить прогулки по Москве, покататься на машине, наконец. Это время принадлежало исключительно ей. Ее никто не ждал, она не обязана была никому готовить ужин, стирать рубашки; ей не перед кем было отчитываться, где она и с кем была, о чем говорила и какие строила планы, что купила и как намерена провести выходные. Она была свободна и очень дорожила этим состоянием. И если ей и снился мужчина ее мечты, которому она с радостью сварила бы щи и постирала белье, то она всегда знала, что это именно сон и что такого мужчины в природе не существует, не говоря уже о том, что она его никогда не встретит.

Анна ушла от мужа в порыве чувств. Они прожили десять лет как примерная супружеская пара, ни разу не поскалдив, не накричав друг на друга. Детей не было неизвестно по чьей вине – в семье это не обсуждалось. Да и детей-то особо никто не хотел. И вдруг случилось то, что происходит во многих семьях: и Григорий, и Анна постепенно стали жить каждый своей жизнью. Гриша, ведущий экономист в одной из государственных структур, стал увлекаться преферансом и довольно часто проводил вечера со своими друзьями. Собирались у вдовца Бориса Смушкина, пили коньяк, отдыхали; у Анны появились свои интересы, она увлеклась вязанием и долгими вечерами пропадала у одной из своих приятельниц, которая учила ее вязать на японской вязальной машине. И когда Анна совершенно случайно встретила с Михаилом, ее разрыв с Григорием был уже предопределен. Страсть, вспыхнувшая внезапно, была воспринята ею как высокое чувство, и она, один раз не ночевав дома (Миша привел ее в гостиничный номер и не отпускал до самого утра), уже на следующий день объявила мужу о своей измене и разрыдалась, охваченная отчаянием и болезненным ощущением непоправимости случившегося. Григорий переживал это тяжело. Сначала он пробовал успокоить жену, пытался внушить ей, что готов простить ее и даже подождать, когда страсть ее к любовнику поутихнет и она сможет более рассудочно оценить свой поступок. Но потом, понимая, что ей на это потребуется время, ушел, прихватив с собой, словно желая еще больше унижить Анну (так, во всяком случае, ей тогда показалось), только зубную щетку. Даже сорочек не взял, ни одного костюма. Анна знала, что он попросил съехать квартирантов из их старой квартиры в районе метро «Щукинская» и поселился там сам. Знала и о том, что теперь он реже бывал у Смушкина, потому что добираться до Никитских Ворот, где жил Борис, стало далековато. Григорий первое время звонил ей, спрашивал, не требуется ли ей его помощь, деньги, но у Анны после этих звонков начиналась истерика. Она боялась признаться себе, что смертельно обидела дорогого ей человека и что теперь, сколько бы она ни раскаивалась, он все равно не простит ее. А жить с человеком, который будет тебя презирать до конца твоих дней, она считала невозможным. Наверно, поэтому она и стала развивать и воспитывать в себе чувство любви к Михаилу. Она старалась найти в нем то, чего, быть может, никогда и не было. К примеру, одно время ей казалось, что он очень талантлив и мог бы вместо того, чтобы заключать скучнейшие и однообразные договоры в своей телефонной фирме, заняться резьбой по дереву. Он приносил и показывал ей фигурки людей и животных, сделанные им самим с помощью специальных инструментов. Видела и эскизы будущих деревянных статуй в человеческий рост, и настенных панно. Но Михаил полагал, что такой род деятельности не принесет денег, да и «ставить на поток свою фантазию», как он говорил, было бы кощунством.

Сейчас, рассматривая одну из фигурок (обнаженная девушка с длинными волосами стоит, высоко подняв руки и глядя вверх), Анне показалось, что это кустарщина, грубая поделка, не стоящая ни рубля. И ее от этой мысли передернуло. Любовь кончилась, не начавшись. Ее бросили... Бросили. Михаил всегда бросал ее на кровать. На пол. Ему нравилось быть грубым, и он видел, что и она от этого возбуждается. Но то были любовные игры, где позволено все, вплоть до боли. Сегодняшняя же боль не имеет ничего общего с той, физической болью. Хотя и сродни ей, потому что на этот раз болит сердце. *Главное, не думать, кто станет его женой...*

Она очнулась. Звонили в дверь. Это вернулся Андрей. И не один. С кудрявым седым человеком. Они внесли в квартиру капельницу, несколько коробок с аппаратурой, лекарствами.

Что я делаю? Зачем я вмешиваюсь в естественный ход чужой жизни? Какое мне дело до этой девушки? А если она умрет? Меня спросят: почему вы не поместили ее в больницу? И что я отвечу? Что мне захотелось выступить в роли самого господа бога, чтобы помочь ей и оградить ее от людского зла? Но разве это правдоподобно? Разве это не дико? Что я натворила? Что сделала?

– Она очнулась... Аня, она очнулась. Иди сюда скорее... Здравствуйте... Вот мы и проснулись...

Глава 3

По Фассбиндеру

– Я буду звать тебя Машей, согласна? – Анна склонилась над Машей и заглянула ей в глаза.

Андрей со своим товарищем уехал рано утром, забрав пробирки с кровью и стекляшки с мазками. Перед самым уходом сделал необходимые наставления и объяснил, как обращаться с больной и чем кормить. «Звони мне, если что», – сказал он напоследок, и Анна сбьющимся от страха сердцем закрыла за ним дверь.

Она не помнила своего имени, поэтому согласилась, чтобы ее называли Машей.

– Вы к-кто? – спросила она, когда дверь за людьми в белых халатах закрылась и в квартире стало тихо.

Анна смотрела на ее бледное лицо, светло-карие глаза и почти белые губы и думала о том, что все это происходит не с ней и не в ее квартире. Она до сих пор не могла оправиться от собственного шока, вызванного тем, что теперь в ее жизни появился кто-то, кто зависел непосредственно от нее. Вся ее поездка показалась настоящим безумием. И звонок Миши, разорвавший кокон ее одиночества, словно образумил ее, заставил взглянуть на все другими глазами. «Привет, Анечка. Как дела?» Он говорил с ней так, словно сутки тому назад не сообщал о своей женитьбе. Да, он женится, скоро свадьба, у него много хлопот и расходов, но потом они снова встретятся. Значит, ничего не изменилось. И он так же, как и прежде, будет приходить к ней. Разве что ночевать не будет, а если и будет, то не так часто, как раньше. Она улыбнулась собственной легкомысленности, представив себя открывающей ему дверь. Да, она будет в своем шелковом халатике, домашних туфлях, отороченных лебяжьим пухом. Хрестоматийная любовница из комедий с участием Пьера Ришара. Смешно.

Она не сразу смогла собраться с мыслями, чтобы ответить на вопрос. Затем тряхнула головой и нашла в себе силы улыбнуться. Ведь теперь от ее настроения какое-то время будет зависеть и настроение больной.

– Меня зовут Анна. Я – твой друг. Ты попала в беду.

– Б-беду?

Маша заикалась. Андрей сказал, что это результат перенесенного шока. Хотя, возможно, она заикалась и раньше. «Вот познакомись с ней поближе, узнаешь, кто она и где живет, свяжешься с ее знакомыми или родственниками, которые ее сейчас наверняка ищут, и заодно узнаешь, она всегда была заикой или нет». Он, этот несносный и не в меру любопытный Андрей, просто не мог обойтись без советов. Ему так и хотелось подсказать, как ей себя вести, что предпринять в связи с присутствием в ее квартире незнакомой девушки-заики.

– Да, я подобрала тебя на дороге, далеко от Москвы. Ты помнишь, куда и с кем ехала?

– Нет.

– А что ты помнишь?

– Яркий свет, вспышку... Альбом с фотографиями...

Андрей сказал, что у нее небольшая гематома на затылке и что скорее всего у нее сотрясение мозга. Уже завтра он со своим молчаливым кудрявым товарищем отвезет Машу в диагностический центр, где ей сделают все необходимые обследования, в том числе томографию. Анна заплатила ему хороший аванс, поэтому была уверена, что Андрей теперь будет появляться здесь довольно часто. И чтобы отработать свой аванс, и чтобы заработать остальное.

Еще пару дней тому назад деньги для Анны означали лишь возможность спокойно жить, не задумываясь о завтрашнем дне и не испытывая обычные для положения разведен-

ной женщины страхи по поводу грозящей нищеты и даже голода. Ведь она, по сути, ничего не умела толком делать, разве что прекрасно вязала. Но тех денег, которые она имела, продавая связанные ею свитера и шали, не хватило бы даже на необходимое, не говоря уже о том, что она могла позволить себе сейчас благодаря помощи бывшего мужа Григория. Находясь с ним в браке, она не была в этом смысле так свободна, как сейчас, тратя деньги, как ей заблагорассудится. Но когда денег много, то и не знаешь им цену. И лишь сейчас, когда она с легкостью отдала Андрею тысячу долларов, она поняла, что такое деньги и как много проблем можно решить с их помощью. Это не платье купить, не духи. Эти деньги помогут Маше выздороветь и прийти в себя. Анна была уверена, что со временем ее подопечная обязательно вспомнит, что с ней произошло и как случилось, что она потеряла ребенка. *Главное, не проговориться о ребенке. Пусть она вспомнит все сама.*

– Постепенно ты сама все вспомнишь, а сейчас тебе надо побольше спать, есть и набираться сил. Ты как себя чувствуешь?

Маша подняла на нее глаза, и Анна увидела в них выступившие слезы.

– Я понимаю, тебе не по себе, ты боишься чего-то... Но это естественно. Скажу главное – ты относительно здорова. Руки-ноги целы. Внутренние органы – тоже. Только вот на голове небольшая шишка, но это не страшно. Даже если у тебя сотрясение мозга, то все это проходит со временем.

– Но... п-память...

– А память вернется. Ты, наверно, смотрела по телевизору передачу «Жди меня». Знаешь, как много пропадает людей, потому что они ничего не помнят. Как правило, это происходит из-за травмы головы. Ты можешь меня спросить, почему я не отправила тебя в больницу. Отвечаю: я хотела сначала услышать твое мнение по этому поводу, понимаешь? Ведь я не знаю, кто ты и как случилось, что ты оказалась в машине, в овраге...

– Я б-была в машина одна?

– Нет. За рулем сидел парень. Ты помнишь его?

– Нет.

– Он погиб.

И тут Анна поняла, что совершила глупость, сказав ей об этом таким обычным тоном, не подготовив ее. Ведь это они с Андреем знают, что Машу кто-то избил и что за рулем мог быть именно тот человек, который и нанес ей эти синяки и ссадины. Но Маша может этого не знать, не помнить. А что, если за рулем был ее муж, который вырвал ее из рук бандитов или, предположим, другого мужчины, любовника...

Но, к счастью, Маша никак не отреагировала на сообщение о том, что ее спутник погиб. *Она, похоже, вообще ничего не помнит.*

– Если ты скажешь, что хочешь в больницу, я тотчас тебя туда отвезу. Обещаю тебе. Но прежде я должна тебе кое-что показать.

С этими словами Анна принесла и разложила на своей ладони прямо перед глазами Маши две оранжевые клеенчатые бирки с обрывками веревки.

– Вот эта с надписью «Имя – Стерва» была привязана к правой руке, а вот эта – «Профессия – Сволочь» – к левой. Теперь ты понимаешь, почему я не поместила тебя в больницу?

Маша смотрела на бирки широко раскрытыми глазами. Слезы ее высохли. О чем она сейчас думает? О ком? Поняла ли она, что с ней произошло и кто мог вот так пометить ее? И главное, за что? Знает ли она за собой грехи?

– Ты можешь предположить, кто привязал к твоим рукам эти веревки? И почему этот кто-то считает тебя стервой и сволочью?

– Нет.

– Ты не обязана говорить мне правду. Потому что это – твоя жизнь. Ты мне только скажи, останешься ли ты у меня до полного выздоровления или тебе вызвать «неотложку»?

Это важно для меня, потому что, как ты понимаешь, я же сейчас несу за тебя ответственность...

– В больнице плохо, – сказала она вялым голосом и вдруг потеряла сознание. На мгновение. Закрыла глаза, и Анна испугалась. Но вот она снова очнулась. – Я забыла, как вас зовут?

– Обращайся ко мне на «ты», так проще будет. А зовут меня Анна. Можно просто Аня. Фамилия моя – Винклер.

– Я не хочу в больницу.

– Боишься?

Маша молча кивнула.

– Я сейчас принесу тебе бульон, и ты должна будешь его выпить. Все до капли. Это очень важно. А потом, вечером, я дам тебе яйцо. Когда почувствуешь в себе силы подняться, скажешь, я помогу тебе.

Маша снова кивнула и сказала со вздохом, словно через силу:

– Спасибо.

Она проглотила весь бульон, и Анна устроила ее на кровати повыше, чтобы она могла смотреть телевизор.

– Это музыкальный канал. Слушай, смотри...

Она боялась, что, увидев на экране сцену насилия, Маша испытает повторный шок, поэтому решила сначала дать ей возможность послушать хорошую музыку, а потом пусть она посмотрит специальный канал «Е» с показом мод. Это легкие для восприятия и поднимающие настроение каналы, как раз то, что надо выздоравливающей.

В восемь вечера позвонил Миша, сказал, что придет. Как обычно.

– Но ко мне нельзя... – Анна с трубкой удалилась на кухню и разговаривала там вполголоса.

– Почему? – возмутился не привыкший к отказам Михаил. – Ты не одна?

Если скажу, что не одна, он сразу же подумает, что я с мужчиной.

– Хорошо, приезжай. Просто у меня сейчас гостит сестра, понимаешь? Она приболела, и я положила ее в спальню.

– Раз болеет, пусть лежит и не встает. – В его голосе она почувствовала раздражение.

– Хорошо, приезжай, я тебя жду.

Она заглянула в спальню. Маша спала. Волосы ее, рыжие, блестели при свете лампы. Она казалась маленькой измученной девочкой. А на экране танцевала, отдавшись во власть зажигательной музыки, пышущая здоровьем блондинка с золотистыми блестками на лице. *Какой контраст.*

Миша приехал через полчаса, из чего Анна сделала вывод, что он звонил ей уже из машины. И на сиденье рядом с ним уже наверняка лежал пакет с закуской и вином. Значит, он знал, что ему не откажут, что ему будет позволено вернуться, он был уверен в том, что его примут.

Анна едва успела причесаться и подкрасить ресницы, как раздалась трель звонка. Миша пришел не только с пакетом, но и с букетом. На этот раз это были нежные ирисы.

– Я идиот, что рассказал тебе о своей женитьбе. – Миша, такой большой, с веселыми мальчишескими глазами и теплым влажным ртом, поцеловал ее прямо у порога, даже не прикрыв за собой дверь. – Ты, бедненькая, наверное, переживала, а то и плакала... Я поступил как настоящая свинья, но я раскаиваюсь, раскаиваюсь. Я же люблю тебя и никогда не брошу. Мы всегда будем вместе...

Раньше таких слов он ей не говорил. Возможно, уйдя с головой в хлопоты, связанные с предстоящей женитьбой, он вдруг представил себе жизнь с другой женщиной, которая потребует владения не только его телом, но и его чувствами, рассудком, захлопнет ворота в

его прошлую жизнь, и испугался?! И, еще не успевший остыть после объятий своей невесты, примчался сюда, вернулся, как возвращаются свободолюбивые коты на помеченную ими территорию, чтобы еще раз доказать право на нее? На территорию или на самку?

– Я рада, что ты пришел. – Анна вернула ему поцелуй и слабо улыбнулась, еще не представляя себе, что ее ждет сразу же после того, как Миша разденется и пройдет в комнату. Что она ему скажет, как объяснит присутствие здесь незнакомого ему человека? – Проходи.

– Послушай, – зашептал он ей на ухо, – откуда она? Ты никогда не говорила мне, что у тебя есть какая-то там сестра...

– Ты не переживай, она нам не помешает.

– А чем она больна? У нее вирус? Ты же знаешь, мне сейчас никак нельзя болеть, у меня же свадьба на носу.

– Она у тебя не на носу, а на другом органе, – заметила Анна, не в силах скрыть насмешку. Еще немного, и он начнет раздражать ее. – Пойдем лучше на кухню. Я сегодня почти ничего не ела, а у тебя в пакете, я вижу, черешня... Пойдем, и нечего смотреть на дверь спальни. Сегодня мы будем спать в большой комнате, если ты, конечно, пожелаешь остаться.

Но вместо ответа Миша прижал ее к стене и провел рукой по ее животу, скользнул вниз и задержался там.

– Я соскучился, ужасно соскучился. Как представляю себе, что ужинать буду не с тобой, а с *ней*, так оторопь берет...

– Она что же, такая страшная?

– Да нет, она нормальная, правда, очень высокая, но я еще не привык к ней.

– Ты любишь ее? – Ее вопрос прозвучал как раз в тот момент, когда Мишина рука медленно поднималась вверх в поисках груди. Он жаркими ладонями исследовал каждый сантиметр ее тела и теперь нетерпеливо дергал за пояс халата, молчаливо требуя, чтобы его развязали. – Я буду приходить к тебе, как и прежде, ты поняла, да? И не вздумай заводить себе кого-нибудь другого. Пусть все будет как прежде. Ты ждешь меня, я прихожу, мы с тобой любим друг друга, и ты все позволяешь мне...

...Внезапно раздался страшный шум. И Анна, подняв голову и прикрыв ладонью рот, бросила на перевозбужденного Мишу виноватый взгляд. Их прервали. Это случилось впервые, и теперь она не знала, как себя вести. Она уже поняла причину шума, но и бросить Мишу в таком состоянии тоже не могла. Он бы не простил ее. И словно в доказательство этому он предпринял некоторые действия, чтобы не отпускать ее... Все происходило в кухне, и Анна не отрывала взгляда от стоящих на столе в прозрачной вазе ирисов. Она разглядывала их зеленые стебли, похожие на стебли ревеня, и думала о том, что не чувствует ничего. Больше того, ей хочется, чтобы все как можно скорее закончилось. «*Что с тобой, что-то не так?*» Но она не ответила. Ей захотелось, чтобы он ушел. И это было невероятно. Он мешал ей, он раздражал ее, и ей было больно. «*Извини, я был груб с тобой... Но это оттого, что я соскучился по тебе*». Она уже где-то слышала эту фразу. Но где? Сегодня же, но чуть позже, она непременно вспомнит где. «*Все мужчины такие*». А это уже из реальной жизни. Эту фразу можно услышать и в метро, и в магазине...

Миша ушел в ванную комнату, и Анна, воспользовавшись его отсутствием, бросилась в спальню. Да, как она и предполагала, Маша встала, чтобы справить малую нужду, и упала, уронила горшок. И если бы Миша вошел, то увидел бы мокрый паркет и лежащую посреди комнаты Машу в ее ночной сорочке, испачканной кровью.

– Я хотела п-подняться, но у меня закружилась голова...

Анна перенесла ее на постель и укрыла одеялом.

– У меня кровь...

– Ничего страшного. Обычные дела. Я дам тебе все необходимое.

– Я мешаю тебе. – Она, как показалось Анне, стала еще бледнее.

- Нет, все нормально. Просто ко мне пришел один человек.
- Я понимаю. – Она прикрыла глаза.
- Но он сейчас уйдет...

Маша отвернулась к стене и заплакала. И почти в то же самое время за спиной возник Миша.

- Ты не хочешь познакомить меня со своей сестрой?
- Нет. Ей сейчас плохо. Пойдем... тебе нельзя здесь находиться.

На кухне он спросил ее: аборт? Анна пожала плечами, так ничего определенного и не ответив.

- Прячется у тебя?
- Да.
- Мне уйти?
- Миша... понимаешь, я должна уделить ей внимание... Ты извини меня.

И он ушел. Анне даже показалось, что он и сам испытал от этого облегчение. Возможно, его невеста ждала его, и он не знал, вернется ли он сегодня к ней или нет. Но обстоятельства сложились таким образом, что он успел получить все, что хотел, от Анны, и теперь у него была возможность доказать свою любовь другой. *Как же все это противно.* Она с какой-то злостью запирала за ним двери. Вернулась на кухню, собрала на поднос фрукты, сыр, налила в чашку молока и принесла Маше.

– Он ушел. И я рада этому. Я понимаю, что ты не знаешь ни меня, ни его, но все равно я должна сказать тебе, что я ужасно рада, что он ушел. Он женится, но хочет, чтобы между нами все продолжалось. Неужели они все такие?

Она сказала это вслух и поняла, что давно хотела с кем-то поделиться своими мыслями и чувствами. И молчаливая Маша не могла ее не выслушать. *Она теперь будет обречена выслушивать все мои бредни.*

- Маша, я принесла тебе тут кое-что поесть... Будешь?
- У меня кружится голова, но зато появился аппетит... – Она теперь уже повернулась к Анне лицом и даже попробовала улыбнуться. – Ты красивая. У тебя красивые волосы, лицо. Почему этот мужчина не женится на тебе?

– Потому что мне уже сорок лет, понимаешь? А ему нужна женщина, которая родила бы ему кучу детей. Я не способна на такое.

И она вспыхнула. Забыла, что разговаривает с роженицей. Но Маша, казалось, и не заметила ее слов.

- У меня кровь. Я могу испачкать постель...
- Пустяки. Я все устрою...
- Значит, я не беременна, – каким-то просветленным голосом произнесла Маша.

А Анна вспомнила, где слышала фразу, которую произнес Миша: *«Извини, я был груб с тобой... Но это оттого, что я соскучился по тебе».*

Это же Фассбиндер. Его фильм «Марта». У Марты был муж-садист. Фильм кончился очень печально: Марта сбежала от него, попала под машину и ее парализовало.

Глава 4

Любовник номер два

На следующий день они обе долго спали. Первой проснулась Анна. Да и то не сама, а от звонка. Кто-то пришел. Накинув на себя халат и сунув ноги в домашние туфли, она подошла к двери. Пришел Андрей. Один.

– Привет, как дела?

– Мы спали.

Она рассказала ему, чем кормила Машу, о проблемах, связанных с гинекологией.

– Значит, так, – говорил он полусшепотом, сообщая результаты анализов, – она практически здорова. Правда, гемоглобин очень низкий, надо бы ее хорошенько подкормить. Я вот тут привез тебе лекарства, шприцы – будешь колоть ей успокоительное и витамины...

Он разговаривал с ней, как если бы она была матерью Маши. *«Он отработывает свои деньги, – думала Анна, не желая верить в то, что он искренен в проявлении своей заботы о пациентке. – Он сейчас скажет, что ее следует подвергнуть более сложному обследованию»*. Так оно и случилось. Андрей настаивал на более полном и глубоком обследовании. Анна усмехнулась про себя: *«Я принимаю такое деятельное участие в чужом мне человеке, в то время как сама, возможно, больна куда серьезнее, чем она. Ведь это я, а не она, собралась свести счеты с жизнью»*.

Пришлось будить Машу, кормить и собирать в диагностический центр. Понятное дело, им нигде не приходилось стоять в очереди. Двери гулких больничных коридоров, мерцающих кафельной плиткой, распаивались словно сами собой, отчего создавалось впечатление, словно их везде ждали. На лицах врачей Анна читала понимание и дежурную любезность. *И они отработывают свои деньги*. Томография головного мозга показала некоторые отклонения от нормы органического происхождения, но Анна так ничего и не поняла. «Ты мне скажи, Андрей, память к ней вернется?» – «Я думаю, что да. Но помяни мое слово: эта девица может симулировать. Будь с ней предельно внимательна и осторожна». Это было для нее неожиданностью. «Почему ты так говоришь? Зачем?» – «Береженого бог бережет», – ответил он, ухмыляясь, и это тоже не понравилось ей. На обратном пути она поймала себя на том, что смотрит на сидящую рядом с ней Машу уже совсем другими глазами. Она теперь не верила ей и даже боялась ее. *А что, если она преступница, сбежала из тюрьмы, где родила и бросила ребенка?* Но на зэчку она не походила, Анна успела заметить, что у нее красивые и здоровые зубы. В тюрьме не бывает людей с такими зубами. *Может, ей сказать, что у нее были роды, и тогда она все вспомнит?*

Андрей проводил их из машины домой и уехал, и только после этого, когда они остались одни, Анна набралась решимости и спросила Машу:

– У тебя дети есть?

– Т-т-ты что?! – Она замахала руками, укладываясь на постель. – К-какие дети? Ч-что ты?!

– Ты давно заикаешься?

– Я не з-заикаюсь. П-просто запинаясь. Словно мне воздуха н-н-не хватает... – Тут она глубоко вздохнула: – Я устала.

– Ложись поспи. Я разбужу тебя, когда обед будет готов.

Анна как во сне прокручивала на мясорубке мясо, месила фарш в глубокой миске и думала о том, что ничего в этой жизни все же не зависит непосредственно от нее. Кто-то руководит ее чувствами и толкает на вполне конкретные действия, и этот кто-то безжалостен к ней и обращается с ней, как она вот с этим фаршем. Месит кулаками, бьет. Ей вдруг пред-

ставилось, что в этом красном густом и пахнувшем сырым мясом, то есть самой смертью, месиве погибает и она, Анна Винклер.

А ведь еще не поздно выставить эту девицу за дверь, и тогда я буду в безопасности. Я снова обрету душевный покой, ко мне будет по вечерам приходить Миша, целовать меня, а перед уходом укроет меня одеялом, как маленькую, и сам запрет двери, чтобы только не тревожить меня. Я буду спокойно жить, вязать свитера, ходить в кино и, если Гриша подкинет денег, может, поеду за границу.

Ее позвали. Анна вошла в спальню и увидела Машу, сидящую на постели и тихонько поскуливающую. Молоко у нее пропало неожиданно; как сказал Андрей, в результате перенесенного шока. И это известие не могло не повлиять на Анну, собирающуюся рассказать Маше о родах. Раз нет молочных пятен на майке, стало быть, надо повременить с этим разговором. Хотя так хотелось раскрыть ей глаза и выслушать ее версию о случившемся с нею на дороге.

– Ты чего плачешь?

– Мне в больнице стало так страшно, так страшно... Эти стены, коридоры, этот запах. Мне плохо, когда я вижу и чувствую все это. Больница – это ад.

Анна присела к ней и обняла ее. Прижала к себе. Жалость поднялась волной и захлестнула ее.

– Не бойся, Машенька. Мы туда больше не поедem. Просто надо было обследовать тебя. Выяснить, насколько серьезны твои травмы...

– У меня ничего не болит. Просто слабость, немного тошнит и кружится голова.

– Это сотрясение мозга. А ты не можешь вспомнить, кто тебя бил? Ты хотя бы что-нибудь вообще помнишь о себе? Как тебя зовут? Где ты живешь?

– В голове туман, – пожаловалась она и зарылась лицом в кофту Анны. – Мне кажется, что я сейчас что-то вспомню, я даже вижу неясные образы, но ничего, кроме вспышки и щелканья фотоаппарата, вспомнить не могу.

– Может, ты была фотомodelью? У тебя неплохая фигура. Ты красива, наконец.

– Он сказал, что я безобразна, – вдруг сказала Маша и словно сама подивилась тому, что произнесла вслух.

– Кто сказал?

– Не знаю.

– Тебя кто-нибудь называл стервой или сволочью?

– Не помню.

– А где тебе покрасили волосы? Ведь ты же огненно-рыжая. Ты сможешь вспомнить тон краски?

– «Эксэланс-крем номер шесть», – без запинки произнесла она.

– Ну вот, отлично. Я думаю, что тебе не стоит волноваться и тем более чего-то бояться. Ведь твоя память утеряна лишь частично. Видишь, ты вспомнила тон краски, а это уже немало. Еще немного, и вспомнишь, как звали того мужчину, с которым ты ехала на машине. Кажется, это «БМВ».

– Не знаю... – пожала плечами Маша. – Правда, не помню никакой машины, никакого мужчину в машине.

– Ты бы хотела увидеть другого мужчину?

– Какого? – Она подняла голову и внимательно посмотрела на Анну. – Был еще какой-нибудь мужчина?

Она была так трогательно слаба и хороша в эту минуту, что Анна подумала о том, что у нее, у такой красивой девушки, возможно, был и не один и не два мужчины. Скорее всего она жила с кем-то, может, с тем, от которого родила ребенка, или, наоборот, жила с одним, а

родила от другого, и на этой почве и разыгралась трагедия, в результате которой Маша чуть не погибла и каким-то образом потеряла ребенка.

— Тебе лучше знать. Но я не стану тебя пытаться и задавать тебе вопросы. Я понимаю, что должно пройти время, прежде чем ты что-то вспомнишь. Давай договоримся с тобой знаешь о чем?

— О чем?

— Я дам тебе тетрадь, куда ты будешь записывать все, что вспомнишь. Пусть это будут обрывки мыслей, картинки из твоего прошлого. А потом мы сложим эту мозаику, и ты узнаешь и как тебя зовут, и адрес, и метро...

— Я живу на Маяковке.

Услышав такое заявление, Анна, чтобы не прерывать ее мысли и не спугнуть, тихо вышла из спальни и вернулась уже с тетрадкой и ручкой. Положила на одеяло рядом с Машей:

— Вот и запиши то, что ты только что мне сказала.

— Прямо так и записать: я живу на Маяковке?

— Да, прямо так и запиши. А я пойду на кухню, мне надо приготовить обед.

Маша немного поела и после обеда уснула. Анна, прибрав на кухне, достала с антресоли позабытый на время пакет с вещами, в которые была одета Маша, и принесла его в ванную комнату. Надела резиновые перчатки и разложила на полу большие мужские джинсы (*дорогие, американские, купленные наверняка в приличном магазине*), черный свитер и белую с рисунком майку. Поднесла к лицу и понюхала майку. Пахло горьковатым мужским одеколоном, из чего она уже в который раз пришла к выводу, что на Маше были вещи с мужского плеча. *С мужской груди, с мужских бедер.*

Но где же тогда ее собственные вещи? Ведь на ней не было даже элементарного белья. Знакомые рожавшие женщины ей рассказывали, что в роддоме женщины ходят в одних халатах на голое тело. А вместо белья используются пережатые в специальных стерилизационных электропечах пеленки. У Маши не было даже этого. Хотя, возможно, тот, кто переодевал ее в мужскую одежду, выбросил этот больничный хлам.

И вот первая находка. Первая и единственная. В кармане джинсов Анна нашла клочок бумаги с номером телефона. Она не верила своим глазам. Ведь теперь можно будет — пусть и очень осторожно — потянуть за эту ниточку. Больше в карманах ничего не было. Даже носового платка. Даже крупниц выкрошившегося из сигарет табака, как бывало в карманах брюк, рубашек и пиджаков Григория. Вторым желанием Анны после обследования одежды было выстирать ее. Но снова осторожность взяла верх, и она решила пока повременить с этим. А вдруг окажется, что Маша втянута в серьезное преступление, и эти вещи — вещественное доказательство или улики. Кто знает.

Мысли снова вернулись к Григорию. Она вспомнила, как ухаживала за мужем, как стирала его сорочки, утюжила их и как он с благодарностью целовал ее за это. Они хорошо жили, спокойно. Пока она не поняла, что это не жизнь. Но что же тогда? Григорий был собранным человеком и всегда знал, как поступить в том или ином случае. Быть может, поэтому Анна и согласилась выйти за него замуж? Она чувствовала себя рядом с ним защищенной. И даже сейчас, когда они уже давно не живут вместе, она знала, что, обратиться она к нему за помощью, он не откажет. Наоборот, даст ей ценный совет, а то и порекомендует кого-нибудь, кто смог бы помочь ей с Машей. Но где найти такого человека, который имел бы доступ к милицмейской информации? К примеру, надо определить, кому принадлежала машина марки «БМВ», номер которой был записан у нее в блокноте. Ведь тогда им станет известно имя мужчины, который вез Машу. Пусть он погиб, но у него могли остаться родственники, друзья, которым могло быть известно о Маше и об их отношениях. И куда они ехали? К кому? И

кто ее избил? За что? Анна была уверена, что, как только ей станет известно имя этого человека, Маша сразу все вспомнит. Они вместе с ней поедут к нему на квартиру (тогда и адрес будет найти легко). Она вернется к своей прежней жизни, и Анна, быть может, ее никогда больше и не увидит. Все встанет на свои места... От такой перспективы закружилась голова. *Надо звонить Грише.*

И она позвонила. Он почти сразу же взял трубку, из чего она сделала вывод, что телефон находится у него прямо под рукой. Наверно, Гриша сейчас уже лежит в постели, а может, и в ванне. Он живет своей собственной жизнью, и неизвестно, кто теперь стирает его сорочки, кто говорит ему «спокойной ночи» или желает ему доброго утра. Она ничего не знает о нем. Абсолютно. И когда бы она ему ни позвонила, он всегда очень быстро берет трубку. *Может, боится, что ее возьмет кто-то другой? Точнее, другая?*

– Гриша, это я.

Он обрадовался ее звонку. Она почувствовала это. Его голос источал тепло, заботу. Он сразу же спросил, что случилось.

– Мне надо с тобой встретиться и поговорить. Но если ты занят или не один...

– Брось... – Голос его стал еще теплее, и ей захотелось поплакать, прижаться к нему и попросить прощения. За все сразу. – Ты сама ко мне приедешь или мне к тебе приехать?

– Понимаешь, я не одна...

– Да. – Тон мгновенно изменился, стал суше и напряженнее.

– Ты меня не так понял. Это не мужчина.

– Анечка, ты вольна жить так, как считаешь нужным. И с кем считаешь нужным.

– Гриша, – она перешла на шепот, – у меня дома вот уже второй день находится одна девушка. Она больна, и я присматриваю за ней. Понимаешь, я сама решила взвалить на себя ее проблемы, но чувствую, что мне требуется помощь.

– Тебе нужны деньги?

– Не только... Мне нужен надежный человек. Очень надежный. И желательно, чтобы он был связан с милицией. Но не пешка, у которой закрыт доступ к определенного рода информации, а человек с большими возможностями.

– Старший следователь прокуратуры тебя бы устроил?

Она вздохнула с облегчением. Он, как всегда, все понял. С ним ей было легко.

– Да, устроил бы.

– Нет проблем. Его зовут Максим. Думаю, что и ты станешь обращаться к нему без отчества. Это отличный парень, толковый. Наш человек, словом. Он – друг Бориса.

– Смушкина?

– Да. Ты можешь ему полностью доверять. Только ответь мне: тебе все это нужно?

Она понимала его. Он беспокоится о ней. Он переживает за нее. Он любит ее. А она лишь использует его. Пошловатая схема отношений.

– Если бы ты приехал, я бы все рассказала тебе. Думаю, ты понял бы меня.

– Я могу приехать.

И она сдалась. Хотя уже давно не позволяла ему этого. Она боялась, что они столкнутся здесь с Михаилом, и страшно нервничала по этому поводу. Но сегодня Миши не будет. Она это знает, чувствует. Он занят. Слишком занят, чтобы приходить к своей сорокалетней любовнице, которая к тому же еще держит в квартире *какую-то больную сестру*. К чему ему эти сложности. Мужчины не любят сложностей. Разве что Гриша привык к ним и умеет с ними справляться. Гриша намного сильнее Миши.

– Приезжай.

Но, сказав так, она тут же и пожалела. Потому что не была уверена, что найдет в себе силы рассказать о вчерашнем дне, о том, что ее любовник женится. И разве заслуживает Гриша такого к себе свинского отношения?

Тем не менее она в ожидании его подкрасила губы, надела брюки и голубую кофточку, которую он очень любил. Уложила волосы. Заглянула к Маше, которая спокойно спала, разметав во сне руки, и, когда уже терпение ее было на исходе, раздался звонок. Ей показалось даже, что он прозвучал намного тише прежнего, словно подчиняясь тактичному Грише. Вот когда приходил Михаил, звонок звучал иначе: громче и вульгарнее. Она улыбнулась своим мыслям, посчитав это полнейшей глупостью.

– Привет.

Она подставила ему щеку для поцелуя. На несколько мгновений она вновь превратилась в Анну Винклер, жену Григория Винклера, встречающую мужа после работы и подставляющую ему щеку для поцелуя.

– Я рад тебя видеть. Ужасно.

Он сжал ее в своих объятиях.

– Правду говорят, что после развода некоторые мужья испытывают к своим бывшим женам неподдельную страсть. Ты веришь мне?

Но она молча отстранилась от него и, приложив палец к губам в знак того, что надо говорить тише, указала взглядом на дверь спальни.

Они прошли в кухню. Анна невольно засуетилась, накрывая стол. Она знала, что Гриша никогда в жизни не откажется от ужина с ней, даже если он перед этим плотно поел. Ужин – это не просто утоление голода. Это нечто большее. Это почти ритуал. Ужин – это ежевечернее торжество. Так считал Гриша. И так привыкла думать Анна. Быть может, поэтому она стала *прикармливать* и Мишу?

– Ты покажешь мне ее?

Он имел в виду больную.

– Она, надеюсь, больна не настолько серьезно, чтобы ты могла опасаться за свое здоровье? Она, я хочу спросить, не заразна?

– Нет. Она потеряла память.

– Аня, что такое? – вдруг воскликнул он. – Что это еще за мелодрама? Ты приютила у себя какую-нибудь аферистку?

Гриша всегда предполагал все самое худшее, подумалось ей в эту минуту. Быть может, поэтому ему так легко жилось, что реальность оказывалась лучше, чище и светлее самых ужасных предположений?

– Прямо сразу и аферистку. Я же подобрала ее не в нашем дворе или на Тверской...

– А где же?

– Возле деревни со странным названием Анна – Успенка.

И Анна, закрыв глаза и чувствуя, как от стыда кровь заливает ей щеки, выговорила перед своим бывшим мужем полностью, рассказала все, даже о женитьбе Михаила. Она говорила быстро, стараясь объяснить каждое свое движение, мотивируя свои поступки отчаянием и надеждой, что Гриша поймет ее. И когда он, предельно возмущившись тому, что она решила покончить с жизнью, обозвал ее дурой, она обрадовалась. Он был искренен. Он понял ее. Хотя и был сильно напуган ее душевным состоянием.

– Аня, да разве так можно: хотеть смерти из-за какого-то подонка?! Да ты с ума сошла! Тебе надо возвращаться ко мне. Ты погибнешь. Пойми ты, никакая страсть не стоит твоей жизни. Жизнь – это все. Это свежий воздух, это море и цветы, это вкусная еда, холодное шампанское, физическая любовь с красивым мужчиной, поездки, солнце, музыка... Жизнь – она долгая, понимаешь?! И это просто чудо, что ты осталась жива. Я примерно представляю, что творилось тогда на дороге, случайно услышал от одного знакомого. На волжской трассе в тот день перевернулось несколько фур. И ты была там? Мчалась на огромной скорости, да еще и нашла в себе силы вернуться в тот же день в Москву? Аня, а ведь я тебя, оказывается, совсем не знаю. Конечно, ты способна на сильные чувства, иначе мы бы не расстались,

но чтобы дойти до такой стадии отчаяния и пожелать смерти... Это все слишком серьезно для меня. Мне страшно за тебя. И теперь я буду переживать не о той девушке, которую ты подобрала на трассе, а именно о тебе. Послушай меня. Давай сделаем максимум для этой твоей Маши и снова будем жить вместе. Я помогу тебе и найду ее родственников, близких. Словом, твоя совесть перед ней будет чиста. Но ты не должна жить одна... Молчи. Твой Миша – это не то, что тебе нужно. И ты, самое главное, знаешь об этом. Зачем он тебе? Мы же с тобой хорошо жили. Мы понимали друг друга.

– А у тебя... у тебя кто-нибудь есть? Женщина?

Теперь, когда она раскрылась перед ним полностью, ей хотелось правды и от него.

– Нет. У меня никого нет. Я очень загружен на работе, ты же знаешь...

– Ты обманываешь меня?

– Да нет же, Анечка. Нет...

Он посадил ее к себе на колени.

– Я понимаю, что на тебя сейчас нельзя давить. Что ты сама еще не разобралась во всем. Но знай, что у тебя есть я. Может, я не так молод, у меня вон сколько седых волос. Но я еще силен и как мужчина, и просто как человек. Ты будешь со мной счастлива. Быть может, я в свое время уделял тебе не так много времени? Но у меня его нет. Потому что я делаю деньги. Я очень занятой человек. Но ведь я всегда ночевал дома, был с тобой. А на выходные мы выезжали за город... Но даже не в этом дело. Ты не любишь меня. И это горько осознавать.

Анна слушала его и думала о том, что он трижды, четырежды прав. Что, будь он с ней больше времени, она бы не познакомилась с Мишей. Она бы могла ему напомнить сейчас, что большую часть времени он проводил не на работе, а с друзьями, играя в преферанс. Но уж слишком хорошо они сидели, говорили и даже в какой-то мере любили сейчас друг друга, как прежде, чтобы опускаться до взаимных упреков. И она промолчала. Она не должна разубеждать его в своей нелюбви. Она любит его по-прежнему, но не так, как Михаила. И им обоим незачем это знать.

– Ты не хочешь, чтобы я раздел тебя?

Она вспыхнула вдруг так, как если бы это предложил ей не бывший муж, а совершенно посторонний человек. К тому же она вспомнила, что не далее чем вчера вечером ее вот здесь же, на кухне, раздевал другой мужчина.

– Гриша, я не могу.

– Все это глупости. Ты же не девочка. А я твой муж.

Она закрыла глаза и почувствовала на спине прикосновение его рук. *Гриша никогда не упустит своего. Никогда.*

И она принялась медленно расстегивать пуговицы на кофте.

Глава 5

В художественном салоне

Утром, пока Маша спала, Анна позвонила по тому номеру телефона, который обнаружила в записке, найденной в кармане джинсов. Исходя из первых трех цифр, квартира, где сейчас благодаря ей надрывался телефон, находилась где-то в центре Москвы. Анна вспомнила: «*Я живу на Маяковке*». Может, это Машин телефон? Она набирала номер несколько раз, но ответом всегда были длинные гудки. Трубку никто не брал.

Пора было варить кашу. Телефонный звонок застал ее как раз за этим привычным утренним занятием. Она уже знала, кто звонит, и при звуке голоса Гриши испытала легкое волнение. Ей не хотелось вспоминать вчерашнюю ночь. Она вновь продемонстрировала свою слабость. Гриша сказал ей вчера о том, что она способна на сильные чувства, но она-то знает, что это не так. Она, напротив, слаба. Спасаясь от увядания, от своих сорока лет, она бросается в объятия мужчины в надежде обрести там хотя бы на время ощущение молодости и силы. И как хорошо, что она не призналась в этом Грише. А ведь она думала об этом вчера, думала. Только этим, по сути, она и могла объяснить свое отношение к Михаилу, свою привязанность к нему как к любовнику. Но времена прозрения не всегда совпадают с желанием открыться даже самому близкому человеку. А Гриша был ей все-таки близким. Родным.

Сейчас по телефону он сообщил ей, где и когда она сможет встретиться с Максимом Матайтисом. Он все успел, не подвел, связался с Борисом Смушкиным и вышел на Матайтиса. Интересно, что он сказал им обоим? Скорее всего ничего. Он никогда не создавал себе сложностей и старался вести дела так, чтобы его невозможно было ни в чем упрекнуть. А тем более в излишней болтливости.

– Значит, сегодня в четыре на 1-й Тверской-Ямской возле художественного салона. А ты не знаешь, почему именно там? Он будет занят?

– Думаю, что да. Но тебя не должно это волновать. Главное, чтобы вы познакомились. При встрече ты все ему расскажешь, а дальше уже все будет зависеть от него.

– Но, если он так занят, может, встретиться с ним в другой раз? В выходной?

– Я думаю, что у таких людей, как он, выходных нет вообще. Кроме того, мне кажется, что чем скорее ты выяснишь личность этой девицы, тем лучше для тебя. Не собираешься же ты посвятить ей всю свою жизнь?

– Ладно, Гриша, успокойся. Я знаю, кому посвящу свою жизнь.

– Я тоже. Ну ладно, пока. Целую. Надеюсь, что уже в скором времени мы снова встретимся, а? – И она словно увидела его довольное и сытое лицо.

За завтраком ее так и подмывало рассказать Маше о записке, найденной в джинсах, и о номере телефона. Но звонок Григория отрезвил ее. *Я сначала посоветуюсь с этим следователем, а уж потом решу, что мне делать дальше, что говорить, а что нет.*

Теперь в ее жизни наметился относительный порядок. И все это благодаря пусть и временному, но все же возвращению Григория. И будет замечательно, когда они общими усилиями сумеют помочь этой несчастной девушке. Если же она окажется преступницей, то Анна – так она уже решила для себя – отпустит ее. Даже если ей придется нарушить закон. Иначе все ее усилия окажутся бессмысленными.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила она Машу, пододвигая к ней чашку с чаем. – Выглядишь неплохо.

Девушка на самом деле выглядела чудесно. Розовая от сна, с блестящими рыжими волосами и словно заполненными солнечным светом карими глазами. И лишь слабый след от гематомы под глазом слегка портил общее впечатление.

– Ничего нового?

– Я кое-что написала в тетрадке, – сказала Маша, покраснев. – Но не думаю, что это что-то существенное...

«Химический кабинет в школе. Запах эфира. На стене – таблица Менделеева. На возвышении, у доски сидит женщина в красном трикотажном платье и что-то пишет. Под ногами хрустит медный купорос».

«Синий шелк покрывает большой куб, на котором я сижу. Не могу смотреть на свет».

«Мужчина с сильным южным акцентом держит в руках деревянную трубку. Старинную, как у Чехова».

Анна захлопнула тетрадь. *Она не симулянтка. Ей действительно очень плохо. Ведь она не знает ни кто она, ни что с ней случилось. Возможно, что она осталась вдовой. А я думаю только о себе, о своей безопасности. И виноват в этом Гриша.*

– Ты ложись, смотри телевизор. Если хочешь, почитай что-нибудь, у меня много книг. Может, ты умеешь вязать?

– Только платочной вязкой.

– У меня есть моток пряжи. Свяжи шарф или еще что-нибудь, чтобы чем-то себя занять. Вдруг это поможет тебе что-то вспомнить. И еще, – она взглянула на Машу чуть ли не с материнской нежностью, – не бойся меня и никогда не думай обо мне плохо. Я сделаю все, чтобы ты нашла себя, узнала свое имя и все вспомнила. Но ты также должна понимать, что у меня тоже есть своя жизнь...

– Я понимаю. – Маша опустила голову. – Я не стану вам мешать.

– Не «вам», а «тебе». Я же тебя просила. Мне так проще. Теперь вот что.

И она сказала Маше о том, что сегодня же начнет поиски владельца автомобиля, точнее, его имени. Если потребуется, она достанет его фотографию. Анна понимала, что Маша переживает за результат поисков, но постаралась ее уверить, что сделает все возможное, чтобы не причинить ей боли.

– Меня не надо щадить. Я хотела бы знать правду. И если окажется, что этот человек – мой брат, муж или кто-нибудь еще из близких мне людей, то обещаю, что ты не станешь этого скрывать. Пусть я снова перенесу шок, но он может привести меня к моему прошлому. Я должна знать, как я оказалась в той машине и кто тот человек.

Анна пообещала ей это. День пролетел быстро. Маша вязала, Анна занималась уборкой, а потом немного поспала и стала собираться на встречу с Матайтисом.

– Если я задержусь, ужинай без меня. Если кто позвонит, запиши, кто и что хотели передать. Не забывай и про свою тетрадку.

Анна поцеловала ее в лоб, похвалила ее вязание и ушла.

Она решила отправиться на встречу со следователем на метро. На станции «Маяковская» снова вспомнила Машину фразу о том, что она живет на Маяковке. *Кто знает, а вдруг я иду сейчас мимо ее дома? Надо бы, когда она окрепнет, привезти ее сюда и посмотреть, как она будет себя вести. Может, она, увидев эти дома, вспомнит свой и быстро отыщет квартиру?*

Возле художественного салона стоял высокий худой парень в куртке с капюшоном и белой розой в руке. Анна подошла к нему в надежде, что он хоть как-то прореагирует на ее приближение. И вдруг разозлилась на себя, на то, что даже не выяснила у Григория, как выглядит этот следователь. Не хватало только, чтобы ее приняли за психически больную женщину, пристающую на улице к мужчинам. Этот тип с розой тоже шагнул ей навстречу и вдруг протянул цветок:

– Это вам. Вас ведь Света зовут?

– Нет, извините. – Она густо покраснела и отошла в сторону. У нее появилось желание как можно скорее уйти отсюда, чтобы только не видеть этого парня с розой.

– Анна?

Она вздрогнула и повернулась. Высокий блондин с темными бровями и синими глазами улыбался ей, показывая чудесные белые зубы. Светлый плащ, светлые брюки, запыленные светлые туфли.

– Моя фамилия Матайтис. Можете звать меня просто Максим.

– Хорошо, что вы пришли, Максим. Я думала, что вы так заняты...

– Давайте сначала зайдём в этот салон, мне надо перекинуться парой слов с его хозяином, и после этого я буду совершенно свободен. Согласны?

Она кивнула, и они вошли в салон. Пока Максим беседовал во внутренней, скрытой от глаз посетителей комнате с хозяином, Анна рассматривала развешанные по стенам живописные полотна. Больше всего ей нравились пейзажи, морские. Но их было мало. В основном висели натюрморты с дежурными лимонами и графинами с красным вином и виноградом и, конечно, цветы. Цветов было больше всего. Анна долго стояла перед картиной, выполненной сангиной и пастелью, на которой была изображена обнаженная женщина. Полная, с крутыми бедрами и тяжелой грудью. Анна представила себе мастерскую художника и его самого, почему-то нечесаного и немытого, слегка подвыпившего, трудящегося с коричневым карандашом в руке над своим будущим шедевром. А на диване перед ним – натурщица. Скорее всего любовница, чьи пышные формы, вероятно, и привлекли художника и вдохновили его на написание ее портрета. Она уже устала и просит дать ей возможность отдохнуть. Но он увлечен, его рука так и мелькает в воздухе, а когда карандаш касается грубой шероховатой бумаги, то сразу крошится, рассыпается, и тогда художник большим гибким пальцем, загнутым как крючок, растирает эту оранжево-коричневую пыль, стремясь придать фигуре объем.

– Ну вот, я и свободен. Пойдемте на свежий воздух. Что-то у них здесь душно...

– Вы занимаетесь убийствами? – спросила она его уже на улице.

После мастерской на улице показалось слишком свежо, почти холодно. К тому же моросил дождь. Медленно, заполняя воздух бензиновой гарью, по Тверской-Ямской двигался поток машин. Трепыхались на ветру рекламные полотнища, зазывающие москвичей и гостей столицы в концертные залы и театры. Максим привел Анну в пиццерию. Они заняли самый дальний столик возле окна и заказали пиццу и пиво.

– Я примерно так себе вас и представлял, – сказал он ей, откровенно любуясь ею.

– Вам меня кто-то описывал?

– Да. Борис. Он сказал, что вы очень красивая женщина, и теперь, когда я встретил вас, я понял, что он говорил чистую правду. Но я понимаю, что вы уже, верно, устали от подобных комплиментов. К тому же я не умею их говорить. А потому давайте сразу же приступим к делу.

Максим достал блокнот.

– Кажется, вы хотели узнать, кому принадлежит интересующая вас машина?

Значит, все-таки Гриша успел что-то рассказать.

– Да. Вот, – теперь была ее очередь доставать свой блокнот. – Я записала номер машины и марку. Понимаете, мне крайне важно выяснить, кому принадлежит эта машина.

– Нет проблем. Я скажу вам это уже сегодня вечером, если только вы дадите мне номер своего телефона.

– Да, конечно, записывайте.

Когда принесли пиццу, Анна поняла, что не может смотреть Матайтису в глаза. Она робеет, у нее не хватает решимости даже разговаривать с ним. Ну вот, она сказала, что ее интересует. А что дальше? О чем говорить? С Мишей она никогда так не нервничала и не чувствовала себя такой скованной. А рядом с Максимом она почувствовала себя десятиклассницей, приглашенной в самый шикарный ресторан Москвы.

Я – старая вешалка. Что со мной творится? Почему я так реагирую на мужчин? Позавчера – Миша. Вчера – Гриша. А сегодня я глаз не могу оторвать от этого блондина с темными бровями. Но как же он красив, мне никогда еще не приходилось видеть такого красивого мужчину. Неужели на меня так действует весна? Или я потихоньку схожу с ума?

Последняя мысль оказалась продолжением вырванной из памяти картинки: ее машина мчится на огромной скорости в неизвестном направлении, пока не оказывается закрученной метелью... Она до сих пор не могла прийти в себя от совершенного ею поступка. А тут еще Маша.

– Вы совсем не едите. Не нравится? Вообще-то здесь неплохо готовят пиццу. Особенно мне нравится с грибами. Вы любите грибы?

– Максим... – Она невольно вздохнула, чем сразу же выдала свое волнение. – Понимаете, я вас совсем не знаю. Зато отлично знаю Бориса. Он, как вам, наверное, известно, друг моего бывшего мужа.

– Я знаю вашего бывшего мужа. – Или ей показалось, или в его тоне прозвучал металл.

– Так вот, – она сделала вид, что не обратила на это внимания, – дело в том, что эта просьба относительно машины может быть не единственной. И я не уверена, что вас предупредили об этом. Мне скорее всего понадобится ваша помощь в более сложном деле...

– Я к вашим услугам!

– Да это все понятно. – Лицо ее приняло страдальческую гримасу, словно ей было трудно дальше говорить. – Я понимаю, что вы много можете. Но ведь вы – следователь прокуратуры. Вы понимаете, о чем я?

– Речь идет о чем-то противозаконном? Вы замешаны в какой-то истории и боитесь, что я отдам вас в руки правосудия?

Вот этого она от него никак не ожидала. Чтобы вот так прямо, в лоб, да еще такими конкретными и леденящими кровь словами... «противозаконном»... «правосудия»... Ей захотелось встать и немедленно покинуть пиццерию и уже никогда больше не видаться с этим парнем.

– Я испугал вас? Дело в том, что мне по роду своей деятельности приходится иметь дело с разными людьми. И когда я шел сюда, то примерно представлял себе, о чем пойдет речь...

– Нет, вы ничего не знаете...

– Женщины вроде вас довольно часто оказываются замешанными в истории, связанные с криминалом. Вы – одинокая, незамужняя, при деньгах, вас легко обмануть. И тот мужчина, машиной которого вы интересуетесь, точнее, хотите установить личность хозяина машины, наверняка причинил вам немало страдания и теперь, вероятно, шантажирует вас...

– Максим! Что такое вы говорите? Какой мужчина? Какая машина? Какой шантаж?! Да этот мужчина давно уже мертв!

– Вот как?

– И в историю влипла не я, а совершенно другая женщина.

– Так все говорят.

Она сделала порывистое движение, чтобы встать, но ее крепко схватили за рукав костюма и усадили обратно на место.

– Послушайте, я друг Бориса. И для него готов на многое. Кроме того, я не верю, что вы причастны к преступлению. Скорее всего наоборот. Я прошу вас успокоиться. Я никогда не причиню вам зла. Я помогу вам наконец. Просто у меня несносный характер, я говорю, что думаю, и в голове моей слишком много лишних, не имеющих никакого отношения к нашему разговору мыслей.

– Но я не верю вам.

– Должны поверить. Даже если вы убили этого человека, вам нечего бояться. Значит, он спровоцировал вас на это.

– Вы и сами не знаете, что говорите. Я никого не убивала.

– Вы нравитесь мне, Анна. Но я чувствую, что вас сейчас это интересует меньше всего. Вы запутались, у вас сложная ситуация, и я помогу вам из нее выбраться. Но с одним условием.

– С каким? – простила она.

– Вы не должны доверяться больше никому.

– То есть...

– Кто еще знает, что с вами произошло?

– Гриша. Извините, Григорий Александрович, мой бывший муж.

– Я понимаю. Но больше – никому.

– Послушайте, Максим, вы разговариваете со мной так, словно действительно знаете, о чем идет речь. Но ведь вы ничего не знаете. Я же вам еще ничего не рассказала. Быть может, все не так страшно, как думает Гриша. Просто он перестраховщик и всегда таким был. Он считает, что каждый человек сам строит свою жизнь, судьбу и что мне совсем необязательно принимать участие в этой девушке... Больше я вам пока ничего не могу сказать.

– Хорошо. Тогда поступим следующим образом. Как только я узнаю что-нибудь о хозяине этой машины, я вам сразу же позвоню. Договорились? Но вы обещаете мне, что не станете обращаться больше ни к кому, даже по рекомендации вашего Винклера?

– Хорошо, обещаю, – кивнула она, хотя так и не поняла, зачем ему это нужно. И это холодное: «...вашего Винклера...» Что ему сделал Гриша?

– Я могу вас подвезти.

– Нет, спасибо. Я на метро. У меня еще кое-какие дела в городе. Спасибо, что пообещали помочь.

– Рано еще говорить спасибо. Знаете, Анна, у вас удивительные глаза. Вы – прекрасная женщина.

Она закрыла глаза и увидела под его рубашкой мощную, заросшую рыжеватыми волосами грудь, перекатывающиеся под тонкой, слегка загорелой кожей мышцы, и ей стало жарко. И стыдно. Быстро попрощавшись, она почти выбежала на свежий воздух и через несколько минут залетела в другое кафе, рядом с Концертным залом Чайковского. Там, за маленьким столиком в самом углу, она съела кусок яблочного пирога и выпила кофе с молоком. Затем позвонила домой. Маша довольно бодрым голосом сообщила Анне, что ей никто не звонил, что она полтора часа спала, а теперь ждет ее, чтобы они вместе поужинали. Анна сказала, что едет, и отключила телефон. А когда вышла из кафе, ей показалось, что в толпе сверкнула прядь платиновых волос и на вечернем, неожиданно выплывшем из-за туч солнце зажегся ярко-синий глаз...

Глава 6

Любовник номер три?

– Когда тебе будет получше, я повезу тебя на машине в район станции метро «Маяковская», – сказала Анна, заботливо укрывая сидящую на диване Машу шерстяной шалью и поправляя под ее спиной подушку. – Но не следует торопиться. Кроме того, согласишься, что, пока мы не узнаем, не грозит ли тебе какая опасность, тебе надо бы воздержаться показываться на людях. Ведь эти клеенчатые бирки привязали к твоим рукам неспроста. Конечно, все это неприятно и наводит на самые разные мысли, но кто-то посчитал, что ты сильно обидела его. Оскорбила или унизила.

– Я понимаю, что ничего не бывает просто так. И мне становится страшно при мысли, что я была способна кого-то вот так сильно обидеть. Когда тебя не было, – Маша склонилась и положила голову на колени Анны (обе женщины после ужина устроились рядышком на диване перед включенным телевизором), – я пыталась представить себе сначала женщину, привязывающую мне к рукам эти бирки. Но лицо вышло туманным. Я так и не поняла, кто это. Потом увидела мужчину, и сердце мое забилось быстрее. Я разволновалась. И решила, что это, наверное, был действительно мужчина. Но лица я тоже не разглядела. И в тетрадь я ничего больше не записала. Я даже могу объяснить почему. Тебе интересно?

– Конечно.

– Понимаешь, тетрадь пуста, вернее, почти пуста. И мне от этой пустоты становится не по себе. Словно и у меня в памяти вот столько же ничего не значащих строчек. Иногда, когда я засыпаю, перед моим мысленным взором проплывают целые вереницы лиц. Но все это выглядит туманным, смазанным... или напоминает испорченный негатив.

– Ты заметила, что довольно часто вспоминаешь что-то, связанное с фотографией?

– Да. Может, я была фотографом?

– Покажи мне свои руки.

Анна попросила ее об этом вполне осознанно. *Почему это мне раньше никогда не приходило в голову мысль взглянуть на ее руки? Может, они испорчены землей, тяжким крестьянским трудом? Или, напротив, ухожены. Руки женщины могут сказать о многом.*

– Вот. – Маша с готовностью выставила вперед руки, растопырила длинные красивые пальцы. Ногти немного заросли, но правильной формы, словно за ними регулярно ухаживали.

– Ты не помнишь, покрывала ли ты ногти лаком?

– Только красным. Ярким. В тон помады.

Анна встала, принесла из спальни пузырек с ярко-красным лаком, помаду и зеркальце.

– Попробуем?

– Но ведь я в ночной рубашке...

– А что бы ты хотела надеть?

– Что-нибудь удобное, из эластичной ткани.

Я ничего не понимаю. Ничего. Как это можно не помнить свою одежду? Своего любовника? Мужа? Свою беременность, наконец?! И что с ней будет, когда она узнает о том, что совсем недавно рожала? Она спросит у меня, где ее ребенок, и что я ей отвечу?

Между тем Маша, поудобнее устроившись возле лампы, принялась покрывать лаком ногти. В комнате запахло ацетоном. И в эту самую минуту, когда были готовы всего два ногтя, раздался звонок в дверь.

– Мне кажется, я знаю, кто это. – Маша нервно дернулась. – Мне надо уйти? Лечь в спальне? Это тот самый мужчина, при котором я уронила горшок. Так неудобно получилось.

– Я его отправлю обратно.

– Зачем? Не хочу причинять тебе неудобства. Сейчас я встану и переберусь в спальню. Мне будет еще хуже, если я буду знать, что мешаю тебе, что из-за меня у тебя ломается твоя личная жизнь.

– Это Миша, понимаешь? – сказала Анна таким тоном, словно Маша и впрямь могла что-нибудь знать о ее любовнике. – Любовник, понимаешь? Но он в тот день, когда я тебя встретила, объявил мне, что женится. На другой женщине. Поэтому-то я и помчалась куда глаза глядят. Мне было очень плохо. Очень плохо.

– Но ты любишь его?

– Нет. Не знаю. Я привыкла к нему.

– Он так настойчиво звонит. Ты не боишься, что он больше к тебе никогда не придет?

– И этого я тоже не знаю. Я, если честно, запуталась. Вчера... Господи, какой же он настойчивый... Я только хотела сказать, что вчера ко мне приходил мой бывший муж, Григорий. Вот и получается, что я веду себя не совсем нормально. Я должна выбрать одного мужчину, а по своей мягкости, не знаю, или глупости встречаюсь, выходит, с обоими. Это безнравственно.

– Тебе надо открыть ему и объясниться.

Анна встала, подошла к дверям, открыла одну и посмотрела в «глазок». Да, это был Миша. И в руках он держал букет роз.

– Привет. Ты так долго не открывала.

Он был одет во все новое, и его одежда источала запах какого-то тоже нового одеколona и коньяка. *Приготовления к свадьбе идут полным ходом. Опробовали коньяк. Вкус невесты узнали гораздо раньше.*

– Я прикорнула после ужина. Проходи.

Миша обнял ее и притянул к себе.

– Тебе грустно, что я женюсь? Признайся, грустно?

– Нет, Миша, я радуюсь. Мне хочется, чтобы ты был счастлив со своей новой женщиной.

– Да она совсем еще девчонка. Она ничего не понимает. Мне с ней трудно, она постоянно плачет. Я ничего не могу поделать, когда женщина плачет. Я теряюсь, и мне начинает казаться, что я самое настоящее чудовище.

– А разве нет?

– Ты так не думаешь, нет. – Он провел ладонью по ее губам, словно желая унижить ее этим довольно грубым прикосновением. – Ты хочешь меня?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.